

ВИКИНГ

**Белый Волк
Кровь Севера
Вождь викингов
Танец волка
Земля предков
Король на горе**

Александр
МАЗИН
ВУКЛИТ
ТАНЕЦ ВОЛКА

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М13

Разработка серии *Ф. Барбышева, А. Саукова*

Иллюстрация на переплете *В. Гуркова*

Мазин, Александр Владимирович.

М13 Викинг. Танец волка / Александр Мазин. — Москва : Эксмо, 2018. — 416 с. — (Викинг).

ISBN 978-5-04-093803-2

Это средневековье. Сегодня ты — победитель, завтра жалеешь о том, что ты жив.

Ульф потерял все. Жену, дом, друзей, корабль... Он едва выжил и еще долго не сможет взять в руки меч. Все, что у него осталось, — собственная жизнь да несколько друзей, таких же израненных и беспомощных, как и он сам.

И еще — месть. Не так уж мало для того, чтобы еще немного задержаться по эту сторону Вечности.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-093803-2

© Мазин А. В., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ГЛАВА 1

Поле смерти

Пепелище. Если копнуть поглубже — угли еще теплые. В углях — обгоревшие кости. Животных и людей. Тела, живые или мертвые, сгорели вместе с усадьбой. С длинным домом, сараями, хлевом... Поле смерти. Здесь она сеяла и жала. Без меня. А я-то думал: мы с ней накоротке. И в мой дом — никогда...

На берегу остались следы. Человеческие. И от кили драккара.

Набег.

Типичный набег на береговую усадьбу. На мою усадьбу. Викинги.

Здесь оставалась моя жена. Здесь жили мои люди. Теперь никого. И я не знаю, кто из них жив, а кто мертв. Будь у меня силы, я рылся бы в пепле, пока не узнал точно: костей моей Гудрун здесь нет. Или есть.

Но я так слаб, что не могу и десятка шагов сделать, не опираясь на чужое плечо.

Я ничего не могу. Ничего.

Я — Ульф Черноголовый, которого когда-то звали Николаем Григорьевичем Переляком, еще недавно, всего лишь несколько дней назад, был совершенно

счастливым человеком. Я был хевдингом, вождем и предводителем небольшой, но славной дружины, у меня было два корабля, один из которых настоящий драккар, не боящийся самых жестоких штормов. И я заплатил за него не серебром, а железом. Северный Змей. Я взял его в бою у тех, кто искал моей смерти, а нашел свою. Я бился в одном строю с лучшими воинами этого мира. Я дрался во Франции и в Англии и всегда побеждал. Я был сильным и удачливым. А главное — женатым на самой красивой, самой лучшей женщине в этом мире. Гудрун...

Теперь я сижу на пепелище и перебираю теплые угли левой рукой, потому что правая по локоть забинтована...

— Что будем делать, отец?

Это Вихорек. Мой приемный сын. Он из словен. Был рабом у франков, но я освободил его и усыновил. Ему не больше пятнадцати, но он уже неплохой воин. Единственный из моего хирда, кто остался на ногах.

— Что будем делать?

Поодаль топчется наемная команда. Десять парней, которым заплатили, чтобы они перегнали кнорр с ранеными из Сконе сюда, в мое поместье. Не считая Вихорька, нас осталось всего семеро. Мой побратим и шурин Свартхевди Медвежонок, норег Гуннар Гагара, араб Юсуф, селундцы Стюрмир, Скиди и Хавур Младший. Все они ранены, и раны их тяжелы. Несколько дней назад эти раны не мешали им убивать врагов. Но то был бой. А теперь лишь Стюрмир да я можем ненадолго встать на ноги. Да и то с чужой помощью. На берег гребцы снесли нас на руках.

— Виги, — я называю Вихорька его скандинавским именем, — нам нужна помощь. Ты отправишься в усадьбу госпожи Рунгерд и приведешь ее. Если поторопишься, успеешь до темноты.

Я не хочу даже думать, что и там может быть такое же пепелище. У Рунгерд большой одадь сильных мужчин, среди которых несколько воинов. Там есть кому защищаться.

Защищаться... Вот что меня смущает. Я не вижу следов того, что усадьбу брали штурмом. Дом и постройки сгорели, но ворота целехоньки. Конечно, через такой забор, как у меня, можно и перелезть, хотя теперь он повыше и покрепче, чем был, когда я покупал эту землю. И по-настоящему сильных бойцов в усадьбе не осталось, но и бонды, и трэли должны были знать: нападение возможно. И, уходя в поход на Сконе, я велел Гудрун, чтоб были начеку. Сторожить круглые сутки. Особенно со стороны моря. Если закрыть ворота, то даже плохие бойцы могут какое-то время продержаться.

— Я никуда не побегу! — заявляет Вихорек. — Я вас не оставлю!

— Побежишь, — устало говорю я. — Но сейчас вот что... Поищи-ка чужие стрелы...

— Ага! — Вихорек решил, что я по стрелам хочу узнать, кто это сделал. Такое возможно...

Но не сегодня.

Через четверть часа паренек возвращается. Он очень удивлен. Осмотрел частокол снаружи, землю во дворе... И не нашел ни одной стрелы. Тогда умный мальчик решил поискать не чужие, а наши стрелы. Снаружи. И тоже ничего не нашел.

— Они как будто не оборонялись... Колдовство? Скорее предательство. Небось пообещали, что никого не тронут...

— Кому тут было обороняться... — басит Стюрмир. — Бабы да трэли...

— Здесь оставался отец Бернар... — напоминает Вихорек.

Отец Бернар — монах. И великолепный лекарь. Я привез его из Франции. Он сам решил так. Мечтает обратить нас в христианство. Однако до того, как стать монахом, отец Бернар был воином. И я подозреваю, что не просто воином, а шевалье. Рыцарем... Но, приняв обет, больше не отнимает жизни, только спасает... Вот и спасал бы. С оружием в руках...

Вихорек со Стюрмиром затевают спор... Который я прерываю:

— Все, дренг! Бегом за Рунгерд. Со всех ног!

Вихорек опять пытается протестовать, но я показываю на раненых и говорю: промедлишь, они умрут. И Вихорек затыкается. Так и есть. Нам остро нужна медицинская помощь. Юсуф при смерти, Скиди и Хавур тоже совсем плохи. Я надеялся, что здесь нас встретит отец Бернар, но теперь вся надежда только на Рунгерд. Мать Гудрун — отличная лекарка. И не просто лекарка — знахарка и колдунья. Ее бабка была настоящей финской вельвой, и Гудрун утверждает, что все бабкины знания и таланты достались матери.

Только бы Рунгерд не постигла та же беда... Надеюсь, что нет. Все же ее одадь не имеет удобного выхода к морю...

— Хевдинг...

Старший команды сконских гребцов. Его зовут Барни. Барни Средний. Для него я все еще хевдинг.

— Хевдинг, скажи, чем мы можем помочь?

«Помогите похоронить мертвых», — сказал бы я, но кости подождут. Может, попросить Барни побыть с нами, пока не вернется Вихорек? Я бы попросил, если бы он не назвал меня хевдингом. Вожди о таком не просят. Во всяком случае бондов.

— Сделайте навес из запасного паруса и перенесите под него раненых, — сказал я. — А потом можете возвращаться домой.

Возвращаться они будут тоже морем. На парусной четырехвесельной лодке. Конечно, на такую ораву лодка маловата, но плыть недалеко. Заплатили им вперед. Это такой мир: чужого могут зарезать за пару серебришек, но со своими все договоренности — это святое. Боги же слышат...

— Ага, — кивнул головой Барни. — Только мы, пожалуй, останемся здесь на ночь. Я видел следы волков. Волчья шкура мне бы не помешала.

Угу. Осенняя волчья шкура — это особенно ценно. Под ноги плешивый коврик подстелить. Очень тактично, однако. В моем нынешнем состоянии я все еще могу убить волка, если тот полезет на меня. Но защитить товарищей — вряд ли.

— Оставайтесь.

Вихорек бежит, как викинг. То есть примерно от шести до двенадцати километров в час. В зависимости от рельефа. До усадьбы Рунгерд километров двадцать пять, если по дороге, а если напрямик — то не больше пятнадцати. Но не факт, что так бу-

дет быстрее. Часа два — это наверняка. Потом еще час, чтобы собраться... И обратно они двинут уже конно. Это еще часа два. К этому времени уже стемнеет...

Барни меня разбудил раньше, чем стемнело.

— Кто-то едет, хевдинг! — сообщил он напряженно.

Его люди сгрудились в кучу, блокируя ворота, выставили копья. Они, конечно, бонды. Но скандинавы. Значит, вооружены и готовы пустить оружие в ход. Однако даже для трех-четырех настоящих воинов вся эта грозная ватага — на один зуб. Да что там... Одного меня хватило бы, будь я в форме.

А конных, судя по звуку, не меньше дюжины.

Пару минут спустя я их увидел. Поверх голов сконцев-гребцов. Увидел настоящую броню на первых двух всадниках и понял, что если это враги, то нам крышка.

— Отец!

Вихорек вырвался вперед, обогнав передовых, прыгнул с коня. Строй сконцев рассыпался. Я услышал облегченные выдохи. Эти парни тоже знали: окажись всадники врагами — никаких шансов.

Первый боец сдвинул на затылок шлем. Гнуп Три Пальца. А второй...

— Рунгерд!

— Свартхевди?

Я показал.

Рунгерд опустилась на колени, прижалась ухом к груди сына...

— Хавчик!

— Мой господин!

— Хавчик, кто это сделал?

— Не знаю, господин! — На лице моего раба искреннее горе. — Мы увидели дым, но не поняли сразу, что горит. Думали — это смолокуры...

— А где был ты?

— Гудрун, мой господин. — Хавчик вздохнул сокрушенно. — Послала меня договориться с углежогами.

Вид у него был виноватый. Как будто мой мелкий раб мог бы что-то изменить.

— Я рад, что ты жив.

Это хорошая новость. Хавчик — везунчик. Потому что его не было в усадьбе во время налета. Все остальные были.

Еще одна хорошая новость: одаль¹ Рунгерд и Свартхевди не пострадал.

На этом хорошие новости заканчивались. И началась беда.

Рунгерд вряд ли было легче, чем мне, но она — сильная женщина и понимала, что скорбеть некогда. Надо спасать тех, кого можно спасти.

Через три часа высококвалифицированная, по местным меркам, медицинская помощь была оказана всем раненым. Включая меня.

Разбинтованная рука выглядела ужасно. Меня это не удивило. Болела она знатно. Но, к моему удивлению, Рунгерд больше беспокоил порез на левом боку, хотя железо прошло неглубоко — до ребер. Да

¹ Одаль — наследственный семейный надел.

и болел бок, в сравнении с рукой, очень умеренно, и рана уже начала затягиваться. Вообще, все мои многочисленные ранения оказались поверхностными. И это было не столько везение, сколько заслуга самых лучших доспехов этого времени. В чем мне действительно повезло, так это в отсутствии серьезных переломов. Когда тебе со всей дури зафигачат топором по тушке, доспех, может, и выдержит, а вот то, что под ним, — не факт. Значит, не зафигачивали. Целы мои косточки. В основном. Два пальца на руке сломаны, но это мелочь.

В общем, моя рука Рунгерд не озаботила, а вот рану на боку она вскрыла, вычистила (я старался сохранить лицо, но время от времени кривился и порывался) и зашила по новой.

Кстати, мною Рунгерд занялась в последнюю очередь. По ее понятиям, я был самым «легким» из уцелевших. Так что, обрабатывая меня, Рунгерд параллельно выдавала прогноз по остальным пациентам.

Медвежонок — в тяжелом состоянии. Перелом двух ребер и левой руки, множественные травмы мягких тканей, серьезная кровопотеря... Которой не было бы, если бы его сразу перевязали. У берсерков в боевой фазе раны практически не кровоточат.

Однако Рунгерд уже знала, как было дело, потому не удивлялась. Сконцы ведь готовили нас не для полноценной жизни, а для мучительной смерти, так что медицинская помощь была минимальной. Но прогноз по своему сыну Свартхевди она выдала оптимистический. Побочный эффект «берсеркерства» — ускоренная регенерация. И, надо полагать,

повышенный иммунитет, потому что раны у берсерков не загнивают, если их правильно обработать. Так сказала Рунгерд, и я ей верил. У нее был соответствующий опыт. Покойный муж был тоже из «воинов Одина».

Хуже обстояло дело с моим лучшим учеником Скиди. Многочисленные раны, причем две опасные: в спину пониже лопатки и в бедро. А еще одна — очень опасная: в брюшную полость. Та, к счастью, не воняет, так что есть шанс, что парень выкарабкается.

А вот здоровяк Стюрмир выздоровеет точно. И уже через месяц сможет встать в строй. Аналогично Гуннар Гагара.

На этом оптимистические прогнозы иссякли. Рунгерд честно заявила: двое оставшихся, Хавур и Юсуф, скорее всего, покойники. За Хавура Рунгерд еще поборется — попросит богов, а вот за Юсуфа просить некого. Его бог остался далеко на юге.

— Но ты все же попытайся, — попросил я.

Рунгерд поцеловала меня в щеку и шепнула, что сделает все, что сможет. Мне стало трудно дышать. Волосы Рунгерд пахли тем же благовонием, что и волосы Гудрун на нашей свадьбе...

Внучка финской вельвы-колдуньи угадала мои мысли.

— Ты поправишься, — пообещала она. — И отомстишь!

Но что мне месть? Разве месть вернет мне любимую?

— Вели поискать в углях, — попросил я. — Если она умерла, я должен это знать!

— Гнуп уже ищет, — сказала Рунгерд. — Поешь. Ты должен снова стать сильным. Боги сохранили тебя для того, чтобы ты отомстил за мою дочь!

Для Рунгерд моя жена уже была мертва. И это было плохо, потому что Рунгерд — колдунья и может видеть то, что скрыто.

Но я хочу не мстить, я хочу вернуть Гудрун!

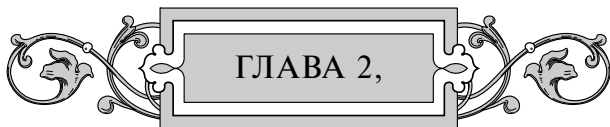
— Ты чувствуешь, что ее нет в живых? — спросил я напрямик.

Рунгерд покачала головой.

— Убили или увезли, неважно. Она скорее убьет себя, чем станет рабыней-наложницей. Я не знаю, жива ли она, но я знаю свою дочь.

В этот момент Хавчик кормил меня с ложечки. И я чуть не подавился, когда Рунгерд это сказала. К сожалению, так и есть. Если моя жена еще жива, то ей осталось недолго. Она — из рода викингов, а из них плохие рабы. Даже прикованные к веслу галеры, они все равно остаются опасными. Потому что с легкостью обменяют свою жизнь на смерть врага.

Последнее, что я помнил: в темноте меня укладывали на телегу.

ГЛАВА 2,

*в которой Ульф принимает гейс
и нежданного гостя*

Очнулся я только через три дня. Рунгерд поила меня травками, чтобы я не просыпался.

— Тебе нужно было отдохнуть, — пояснила она.

— Как Свартхевди?

— Спит. Он поправится.

— А остальные?

— Будут жить.

Она постарела, королева Рунгерд. Морщинки вокруг глаз, уголки рта опустились, глаза больше не сияют... Я знаю, что Медвежонок для нее много дороже Гудрун, но дочь она тоже любила...

— Все выживут? Даже Юсуф?

— Все.

В голосе ни радости, ни гордости.

— Хочешь есть?

Я хотел. Рунгерд распорядилась, и мне принесли сваренную на бульоне кашку.

— Я приказала убрать твой кнорр в сарай, — сообщила Рунгерд.

— Спасибо!